

Среди миллионов судеб крестьян, сорванных с земли – кормилицы волей «отца народов», затерялась судьба семьи труженика-кулака Петра Александровича Рыбина. Восемьдесят два года прошло с того страшного дня раскулачивания, перебирая документы Нина Михайловна тыльной стороной ладони вытирает горькие слезы, тяжело вздыхает и продолжает свой рассказ...

Родился Петр в большой крестьянской семье на Алтае, в Косихинском районе. Семья крепко стояла на ногах. Рыбины крестьяне - трудяги. Большой силой не отличались, но жилистые мужики, цепкие, для себя старались. Петр тоже в отца пошел. Время пришло, по любви женился на красавице Василисе. Видная да работающая жена, подстать мужу своему. Дружно трудились в поле от зари до зари, приумножалось хозяйство, один за другим дети родились: Семен, Михаил, Дора и Прасковья. Казалось, жизнь удалась. Но смутное время настало, а 1931 год, пришел с бедой на их крепкое подворье. Разве могли они даже предположить, что ждет их...

К берегу Васюгана с трудом пришвартовалась баржа битком набитая людьми. Черная река и угрюмая тайга, вот что предстало перед их взором. Люди, изнуренные долгой и страшной дорогой, с трудом карабкались из трюма на берег. Конвоиры, сопровождавшие их, торопили, прикладами сгоняя их с баржи, невзирая на возраст своих невольников. Среди них и семья Петра Рыбина. Ночь провели в балагане, после долгой дороги сморил тяжелый тревожный сон. Пробуждение не принесло облегчения, тучи комаров жалили детей и взрослых, избавиться от их назойливости не было никакой возможности. Утром явился комендант, объявив, что теперь от него зависит жизнь каждого, поставил перед спецпереселенцами задачу: расчищать лес для строительства будущего поселка и под поля. Норма выработки была настолько высока, что люди не могли выполнить дневное наряд-задание, а это значит, что паек в 600 грамм будет урезан. Отец с сыновьями работали на раскорчевке тайги, сыновья только набирали мужскую силу, Семену было 23 года, Михаилу исполнилось 19 лет, Дора жила отдельной семьей, Прасковья совсем девчушка.

Петр обещал жене своей сохранить детей, семью. Начали строить жилье к зиме. Но, вскоре первая начала сдавать Василиса, тяжелая работа

в тайге, постоянное недоедание сказалось на её здоровье. Мужчины всячески оберегали мать, но силы Василисы таяли. 28 июля 1933 года на 48-м году жизни она умерла от истощения. Дела женские легли на плечи Прасковьи.

Петр переживал, что не сберег любимую жену. А беда повадилась «ходить» в их семью. От непосильного труда, холода и голода Семен стал жаловаться на боли в суставах. Врачей не было, люди были брошены на произвол судьбы. Болезнь прогрессировала, и уже 10 октября 1933 года ушел из жизни Семен, ему было всего 25 лет. В этом же году Рыбины потеряли отца, Петр Александрович не выполнил обещание, данное любимой жене, Михаил и Прасковья в один год осиротели. Теперь им нужно было бороться за выживание. Более 50% населения, умирало в первые годы, потом люди стали приспосабливаться, учились добывать пропитание в тайге, ловить рыбу. Начали строить бараки, и хотя жили и спали все вповалку, но над головой была крыша. Самое страшное, казалось, осталось в прошлом. Они выжили.

Но нет, в 39-м году их из Сосновки в числе десятка других семей отправили вверх по реке Нюрольке. Там начали осваивать лесозаготовительные пункты. Поселок Старая Точка, потом п. Центральный. Михаила направили на валку леса, работа очень тяжелая, по грудь в снегу, в мокрой одежде ...и план. Выполнить план –это главная задача каждого, если лес хороший выполнить план можно, а вот на согреть лес плохой, попробуй управиться, но Михаил не сдавался. Вскоре о нем заговорили, как о старательном, работнике, стали поощрять за хорошую работу. Здесь он познакомился со своей будущей женой, а вернее было так. Брат Анны Давыдовны Болотовой привел Михаила домой и сказал сестре, чтоб она выходила замуж за Михаила, т. к. он очень трудолюбивый, хозяйственный и хороший мужик. Сами Болотовы тоже из кулаков, Анна с детства жадная до работы, выжила в тяжелую годину. Работала и в лесу двуручной пилой, лучком пилила лес, и в поселке наравне с другими женщинами. Подумала – подумала да и решилась. Как-то в то время некогда было думать о большой любви, женском счастье. «Слюбится», - решила она. Вдвоем было легче выживать, да и создавать семью пора. Вскоре, в семье, как положено, пошли дети: Раиса, Нина, Николай. Да и жизнь стала налаживаться: построили школу, клуб, ясли, общежитие, но на пороге 1941 год.

Спецпереселенцев в 41 –м на фронт не брали. А в 42-м из Центрального ушли 22 призывника из спецов. Михаилу дали «брешь», стране нужен был лес. План на лесоповале повысили, заготавливали лес, ружболванку, лыжболванку, клещболванку. В тылу, люди трудились не покладая рук, да и попробуй не выполнить дневную норму. Не только потеряешь дневной паек, но и получишь срок за саботаж. Опять вернулись первые страшные годы репрессий: ужесточился режим для спецпереселенцев, все, что добывалось в тайге: мясо, дикоросы, рыба, пушнина – строго сдавалось государству. Опять голод, болезни, смерть... Но выстояли, победили.

На трудовом фронте Михаил всегда ходил в передовиках, его награждали грамотами и медалями, его имя не сходило со страниц газет.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Михаил Петрович был награжден медалью «За доблестный труд в Великую Отечественную войну 1941-1945 гг.», ему было присвоено звание «Ударник Коммунистического труда».

Теперь уже за хорошую работу их награждали отрезами на костюм, наручными часами. Анна занималась воспитанием детей, теперь их было шестеро. Домик был маленький, жили в тесноте, бедно, но Анна детей и мужа содержала в чистоте. Сама шила из той ткани, что выделяли на семью (на трех женщин выделяли пять метров ткани), выкручивайся мать как можешь. Мужчинам – отрезки на брюки, но все это выдавалось за хорошую работу. Завели подсобное хозяйство: корову, свинью; в огороде: картошка, овощи. Жить можно, если бы не налоги, для большой семьи продуктов не хватало. От забитой скотины нужно было сдавать даже шкуру. Отец хитрил, вспоминает Нина Михайловна,- он в сарае, в «яслях» устроил большое корыто и вымачивал там шкуры, чтоб сшить детям какую никакую обувь. И только в 52-54-х годах у детей появились хромовые сапоги. Дети ходили в школу, высшее образование не получили, но в леспромхозе всегда, как и отец, ходили в передовиках...

Записала и обработала материал Кереджи С.Р.